

ФИЛОСОФИЯ

УДК 111.8.14

ОСОБЕННОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ И. КАНТА В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ ЕГО ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

д-р филос. наук, проф. Т.Г. РУМЯНЦЕВА
(Белорусский государственный университет, Минск)

Исследуется специфика стилистических предпочтений И. Канта в отдельные периоды его творческой биографии. Большинство ранних произведений Канта характеризуются ясностью воспроизводимых в них мыслей, их лаконичностью и простотой для восприятия даже со стороны неподготовленного ума. В «Критике чистого разума» проявились изменения стилистических предпочтений. Трансцендентальное рассмотрение природы и границ интеллектуального познания должно представлять собой, по И. Канту, четко выверенную систему принципов и категорий. Все это предполагало существенное изменение и стиля философского письма мыслителя; он должен был удовлетворять теперь строгим требованиям критического рассмотрения метафизики. Кантовская схема построения метафизики стала образцом для осуществления всякой будущей трансцендентальной философии и задала, в том числе, ее новые стилистические стандарты.

Введение. Начиная с 1781 года, когда было опубликовано первое издание «Критики чистого разума», намечается кардинальное изменение стиля основных произведений немецкого философа по сравнению с предшествовавшими его работами. Вряд ли эту серьезную трансформацию его стилистических предпочтений можно считать случайной. И хотя о ней не раз писали философы, анализирувавшие развитие кантовских идей, акцентировавшие «тяжеловесную школьную серьезность» [7, с. 129] и «сухую деловитость, обстоятельность и пространность» [8, с. 20] его стиля, пришедшего на смену грациозной веселости более ранних работ, никто из них так и не сделал процесс этой стилистической трансформации предметом специального рассмотрения. Это упущение явно не способствует адекватному пониманию значимости тех изменений, которые мыслитель внес в область совершенствования стиля европейского философского письма и мышления в целом.

В данной работе будет предпринята попытка показать, как осуществлялся сам процесс этой трансформации в работах И. Канта. Для этого следует рассмотреть специфические особенности стиля философского письма Канта в различные периоды его творчества – как до, так и после написания им своего главного философского произведения «Критики чистого разума» (1781, 1787). Особое внимание будет уделено также обоснованию идеи о зависимости этих стилистических предпочтений от специфики самой предметной области его исследований, которая также претерпевала существенные изменения в различные периоды творческой биографии И. Канта.

Основная часть. Начать данное исследование необходимо с анализа кантовской «Критики чистого разума» с присущим ей качественно новым по сравнению с предыдущим периодом творчества мыслителя стилем изложения. При этом сама, как ее называют, первая «Критика» не является единственным произведением, на основе которого можно судить о сути всех стилистических трансформаций в творчестве И. Канта. И тем не менее роль этой работы в плане решения задач предпринятого здесь исследования чрезвычайно велика.

Изменение кантовского стиля письма представляло собой достаточно длительный процесс, растянувшийся на целое десятилетие. Поэтому новаторская стилистика «Критики чистого разума» возникла явно не на пустом месте, и её реализации предшествовала большая предварительная работа мыслителя.

Обратимся для начала к кантовским работам конца 1750-х – середины 1760-х годов. Особенно интересны с точки зрения стиля такие его тексты, как «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764), «Опыт о болезнях головы» (1764) и «Грёзы духовидца, поясненные грёзами метафизика» (1766), которые отличаются свободным полетом воображения, интеллектуальной грацией и остроумием. Они являют собой удивительное сочетание профессионально-академического письма, которому присущи школьная строгость и дисциплинированность, и образцов популярной философии с характерной для неё публицистической формой изложения.

Несмотря на очевидную разнонаправленность стилистических приемов и предпочтений автора, их кажущуюся несовместимость, подобное письмо явилось во многом результатом ряда просвещенческих тенденций XVIII века. Философия этой эпохи по-новому подошла к осмыслению формально-

организационных принципов собственного познания. С одной стороны, она решительно отвергла диктат системы в качестве универсальной методологической модели построения философского знания. А с другой, – как хорошо показал Э. Кассирер, она не отказалась от своеобразного «духа систематичности», представленного в виде своеобразной процессуально выраженной формы мышления, свободной от жестких, раз и навсегда заданных параметров собственного построения и развития [8, с. 9]. Убеждение в том, что философия должна формулировать свои истины посредством обязательной экспликации первоначально установленных и непоколебимо достоверных принципов организации бытия и выстраивать свое знание с помощью всеобщих абстрактно-логических суждений, было признано несостоятельным. Богатство содержания философского мышления не могло быть исчерпано через построение универсального научного знания. Вместо этого предлагалось видеть в философии ее чисто функциональный аспект, своеобразную методологическую установку всего процесса познания, делая акцент на специфическом для нее способе исследования и постановки вопросов [8, с. 10]. Одним словом, предлагалось обращать внимание не на содержательную сторону дела, а на форму, то есть на способ употребления самой мысли.

Такая смена приоритетов привела к нарушению содержательной *схемы* построения всего философского знания. Потеряло свою актуальность требование предельной полноты отображения описываемой реальности, результатом тщательного соблюдения которого становились тяжеловесные метафизические системы, претендовавшие на объяснение любого возможного феномена познания в пределах предметного поля философии. При этом само предметное поле более не структурировалось исходя из принципа дедуцируемости любого суждения из очевидно истинного первоисточника, благодаря чему возникла возможность начинать философское рассмотрение интересующего объекта из любой точки мыслительного пространства. Отсутствие необходимости обращаться к достоверному основанию, полученному путем интеллектуального созерцания, вело к определенному рода «раскованности» философского мышления, приобретению им все большей свободы при конструировании способов репрезентации собственного знания. Прямым следствием произошедшей децентрализации предметного поля философии стало возрастание количества трактатов, посвященных рассмотрению периферийных, «частных» по своему характеру проблем, чья обоснованность не зависела напрямую от удостоверения априорных положений человеческой способности познания (например, «Исследования о достоинстве и добродетели» Э. Шефтсбери, «Персидские письма» Ш. Монтескье и т.п.).

В результате изменения традиционного способа мышления происходит легитимация нового стиля философского письма, по праву названного просвещенческим. Это наименование может считаться справедливым, если учесть знаковую особенность философии того времени. Пытаясь оправдать ее публичную направленность, ориентацию на разрушение массовых стереотипов и некритических представлений о реальности, ее последователи уделяли все большее внимание использованию новых способов конструирования и написания текстов. Цель новаторских изменений в области стиля философских произведений состояла в стремлении усилить влияние содержащихся в них идей на широкую аудиторию. Для этого подыскивались формы, максимально доступные для усвоения и хорошо знакомые читателю по изящному стилю литературных произведений. Наибольшего развития эта тенденция достигла во Франции, начиная с «Опытов» М. Монтеня, с их необузданным и в то же время «милым философским своеволием». Наиболее значимые идеи Вольтера также были представлены по преимуществу в его философских повестях, личной переписке и других «замечках по поводу». Другие видные представители просвещенческой традиции – Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо – также недалеко ушли от использования именно такого философского жанра.

Однако в Германии эпохи Канта этот просвещенческий стиль не был доминирующим, хотя у него, разумеется, были свои приверженцы – представители так называемой «популярной философии». В противовес чрезвычайно абстрактному логическому схематизму Вольфа, направившему «немецкое Просвещение в область сухой рассудочности» [2, с. 543], догматической формы и методического педантизма, эта популярная философия апеллировала к здравому смыслу и природной человеческой рассудительности. Серьезные философские идеи она пыталась изложить в форме, доступной для усвоения широкой публикой, «выигрывая в популярности, но теряя при этом в глубине и оригинальности» [2, с. 596].

Рассматривая творчество немецких мыслителей этого времени, следует отметить, что И. Кант стал, пожалуй, единственным из тех, кто смог избежать крайностей двух характерных для Германии того времени традиций философствования. Его творческое наследие *докритического* периода представляло собой гармоничное соединение кристально ясного содержания философских текстов с изящным просвещенческим стилем их изложения, совмещение вольфианской скрупулезности и в то же время предельной понятности способа описания. Стилистическое отличие его докритических произведений по сравнению с более поздними, критическими, дает возможность выделить два различных периода его творчества. Значительное расхождение в форме изложения произведений докритического периода и в стилистике, характерной для периода трех «Критик», очень заметно. На смену изящной легкости (отнодью не против-

речившей глубине содержания) образа мыслей и манеры письма приходит унылый, школьный и серьезный стиль, отличающийся избыточной логической строгостью и обстоятельностью в изложении материала.

Большинство ранних произведений философа характеризуются ясностью воспроизводимых в них мыслей, их лаконичностью и простотой для восприятия даже со стороны неподготовленного ума. Мысль И. Канта движется еще в русле тенденций эпохи просвещения, чья идеология, пытаясь избавиться от «радикального мифологического страха» [10, с. 73], преодолевала его посредством процедуры объективации, отстранения феноменов внешней реальности от человеческого сознания. Познанная и «расколдованная» предметная реальность предстает здесь перед взором исследователя в виде очевидных всякому человеческому рассудку истин. Большинство высказываемых идей облекается не в форму тяжеловесных трактатов, а элегантных эссе, написанных по поводу и изданных (прочитанных) для публичного обсуждения, в том числе и в светских салонах. Даже в тех случаях, когда они посвящались вопросам физики, естественной истории или логики, докритические произведения И. Канта отличались так называемой «французской формой выражения мысли» [9, с. 11]. Многие из них вообще писались для журнальных и газетных публикаций или служили приглашением на курс университетских лекций, что подразумевало под собой достаточно широкий круг читателей и слушателей. Причины появления на свет того или иного произведения также были весьма разнообразны и порой не являлись воплощением строгого академического интереса. Работы часто писались по поводу произошедших событий или курьезных случаев (землетрясения в Лиссабоне или появление в окрестностях Кенигсберга помешанного пастуха). При таких обстоятельствах И. Кант предпочитал видеть в своих произведениях аналог «полезной беседы», а не тяжелого умственного труда, находя в них скорее раскрепощенную «игру мысли» [5, с. 326], доступную здравому человеческому смыслу, чем глубокое изыскание [4, с. 371]. В соответствии с этими намерениями и формировался специфический стиль письма – ажурный в исполнении и легкий в восприятии.

«Критика чистого разума» явно изменила ранние стилистические предпочтения Канта. Дело в том, что на данном этапе его интеллектуального развития он целиком и полностью отдается вопросам, связанным с прояснением самого понятия «метафизики». Выявляя ценность метафизики как науки и утверждая ее в качестве базиса для всякого возможного дискурсивного пространства, И. Кант никак не мог пожертвовать концептуальной полнотой изложения ради свободного и возвышенного полета духа, в чем сам признавался: «Метод моего изложения неудачен; он схоластичен, рассудочно сух, даже ограничен и весьма отличен от тона гения» [7, с. 129]. Так, в предисловии к первому изданию «Критики чистого разума» он делает акцент в своем изложении скорее на «дискурсивной (логической) ясности посредством понятий» [6, с. 15], нежели ясности эстетической (интуитивной), обнаруживающей себя в примерах и пояснениях. Последний «тип» ясности, по мнению Канта, мог способствовать только росту популярности его работы, но не добавлял ничего нового в концептуальном смысле, а потому им вполне можно было пренебречь.

Большое место в процессе трансформации стиля его письма сыграли также идеи философа о том, как должна быть построена метафизика. Кант ищет самые простые, первоначальные основоположения в чувственном опыте (точнее – в его априорных формах), чтобы затем отсюда вывести заключительные определения. Он отказывается от прежнего, геометрического метода построения метафизики, который опирался на аксиоматические положения высшего порядка, из которых, в свою очередь, выводились затем частные определения при сохранении систематического характера самого построения. Метафизика превращается в систему чистого разума, внутри которой должны быть достоверно обоснованы *все* ее положения. Стремясь дать *полный* набросок системы метафизики, И. Кант не мог позволить себе одновременно ничего лишнего. Все содержание представленной им трансцендентальной философии, все понятия чистого разума должны были быть сведены к определенному количеству категорий, рассмотрение которых, в свою очередь, осуществлялось путем внимательного членения всей метафизики на существенно различные между собой отделы. Будущая метафизика как наука должна была представлять собой логически выверенную, безупречную систему принципов чистого разума, до конца проработанную и заполненную так, чтобы отныне не оставалось никаких сомнений, связанных с адекватностью использования рассудочных категорий применительно к содержательному наполнению положительного знания. О своей критике он писал: «можно сказать, что она никогда не достоверна, если не *цельна* (не *вся*) и до малейших элементов чистого разума *не завершена*, и что относительно сферы этой способности нужно определять и решать или *все*, или *ничего*» [6, с. 14–15]. Трансцендентальное рассмотрение природы и границ интеллектуального познания должно представлять собой, по И. Канту, четко выверенную систему принципов и категорий, внутри которой нет места беспечной игре мысли, но где все ходы строго определены и обоснованы. Все это предполагало существенное изменение и стиля философского письма мыслителя; он должен был удовлетворять теперь строгим требованиям критического рассмотрения метафизики и потому не мог оставаться столь же изящным и грациозным, каким он был до того. Кантовская схема построения метафизики стала образцом для осуществления всякой будущей трансцендентальной философии и задала, в том числе, ее новые стилистические стандарты. Любое обращение исследователя

к трансцендентально-критической проблематике отныне предполагало обязательное соблюдение некоторых правил и процедур построения его собственного философского текста, который сам должен был стать примером строгости и достоверности для всякого обосновываемого им знания. При этом последнее очень часто оформлялось в виде системы категорий и выводимых на их основе положений. В определенной мере это было возвращением к стилю письма новоевропейской рационалистической философии и даже к догматичной философии Х. Вольфа. Хотя влияние этого стиля распространялось уже не на все предметное поле философии, а было прерогативой только ее особой области исследования, обращенной к анализу оснований человеческого познания. Строгими приверженцами такого стиля изложения философии стали все последователи И. Канта: И. Фихте, Ф. Шеллинг и Г. Гегель. Так, Г. Гегель в своей «Феноменологии духа» отмечал: «Истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система ее» [3, с. 3]. Только такая система, считал он, способна превратить философию в «подлинное знание».

Влияние особой формы построения и изложения философских текстов на трансцендентально-критическую традицию не ограничилось рамками исключительно классического этапа существования последней. В последующих моделях трансцендентальной философии, представленных Ф. Шлейермахером, марбуржцами, Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером, Ю. Хабермасом и другими, предпочтение опять же будет отдано все той же стилистической презумпции, составляющими которой стали: интеллектуальная обстоятельность философской мысли, исчерпывающая полнота ее изложения, логическая непротиворечивость и достоверность используемых положений, схематическая завершенность и понятийная выверенность содержательных аспектов письма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виндельбанд, В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: в 2-х т. / В. Виндельбанд. – М.: «ТЕРРА», «КАНОН-пресс-Ц», 2000. – Т. 1. – 640 с.
2. Виндельбанд, В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: в 2 т. / В. Виндельбанд. – М.: «ТЕРРА», «КАНОН-пресс-Ц», 2000. – Т. 2. – 512 с.
3. Гегель, Г.В.Ф. Система наук / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1999. – Ч. 1: Феноменология духа. – 443 с.
4. Кант, И. Собрание сочинений: в 8 т. / И. Кант. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 1. – 544 с.
5. Кант, И. Собрание сочинений: в 8 т. / И. Кант. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 2. – 429 с.
6. Кант, И. Собрание сочинений: в 8 т. / И. Кант. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 3. – 741 с.
7. Кассирер, Э. Жизнь и учение Канта / Э. Кассирер. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 447 с.
8. Кассирер, Э. Философия Просвещения / Э. Кассирер. – М.: РОССПЭН, 2004. – 400 с.
9. Мамардашвили, М. Кантианские вариации / М. Мамардашвили. – М.: Аграф, 1997. – 311 с.
10. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.

Поступила 28.04.2014

THE PECULIARITIES OF I. KANT'S STYLISTIC PREFERENCES IN DIFFERENT PERIODS OF HIS CREATIVE BIOGRAPHY

T. RUMYANTSEVA

The article is devoted to the peculiarity of Kant's stylistic preferences in certain periods of his creative biography. Most of Kant's early works are characterized by clarity of thoughts, its laconism and simplicity for perception even for the unprepared mind. In the "Critique of Pure Reason" appeared the changes of Kant's stylistic preferences. The transcendent consideration of nature and boundaries of intellectual knowledge according to Kant should be a carefully verified set of principles and categories. All this has significantly changed the style of philosophical writing of the thinker; Kant's scheme for construction of metaphysics has become a model for the implementation of any future transcendental philosophy and has set its new stylistic standards.